

ЗАПИСКА НИКИТЫ МУРАВЬЕВА «МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА

Публикация, вступительная статья и комментарии И. Н. Медведевой

Исторические взгляды декабристов составляют существенный вопрос для историка и для исследователя литературы декабристского времени. В этой области сделано не мало. Опубликованы новые материалы, изучены основные памятники. Однако здесь имеются пробелы, мешающие серьезным обобщениям. Далеко не все исторические сочинения декабристов опубликованы. Так, мы имеем слабое представление о работах Никиты Муравьева, который по своим интересам был историком-публицистом и, как выразился о нем Лунин, «один стоил целой академии»¹. Лунину был известен весь объем трудов Никиты Муравьева: его работы раннего и сибирского периодов.

До нас дошли лишь сочинения Муравьева конца десятых — начала двадцатых годов, но и они свидетельствуют не только об эрудиции Муравьева-историка, но и о политической целеустремленности и своеобразии метода его работы.

Из этого наследия опубликована небольшая часть. До настоящего времени известен лишь отрывок интереснейшего исторического исследования Никиты Муравьева «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина» (далее публикуется полный текст этого произведения). Первая его часть (замечания на предисловие Карамзина) публиковалась с изъятиями; вторая не публиковалась вовсе.

Черновики и многочисленные выписки² свидетельствуют об углубленной критической работе Муравьева над начальными главами «Истории государства Российского». Задумав критический разбор труда Карамзина, Муравьев сначала остановился на предисловии к первому тому, посвященном общей исторической идее и принципам исторического описания. Из критики взглядов Карамзина, высказанных им в предисловии, и составила та вполне законченная статья Муравьева, которая имела распространение в списках и пропагандировалась самим автором. Даже близко стоявшие к Муравьеву читатели или слушатели этой записки считали, что ею и исчерпывается критика «Истории государства Российского». Пушкин писал: «Ник(ита) Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: (предисловие)!». Повторением слова «предисловие» Пушкин явно хотел сказать, что Муравьев, как все другие, будучи «не в состоянии исследовать, оценить работу Карамзина»³, не пошел дальше критики предисловия. Между тем, Муравьев начал подробный разбор труда Карамзина, поставив себе очень определенную, строго очерченную цель. Наброски исследования посвящены теме происхождения славян. Несмотря на отрывочность изложения, они интересны не только критикой источников, привлеченных для этой темы Карамзиным, но и введением новых материалов для доказательства некоторых гипотез.

Законченная часть записки и «Продолжение» имели разную судьбу. Первая была в значительной части опубликована в шестидесятых годах, а «Продолжение» остается неизвестным до наших дней⁴.

Позиция историка Муравьева в сложном вопросе о происхождении славян, которому посвящено «Продолжение», остается неизвестной, тогда как содержание

начала «Мыслей» неоднократно подвергалось разбору (М. П. Погодина⁵, П. К. Щербальского⁶ и, наконец, углубленному комментарию Н. М. Дружинина⁷).

Обследование рукописей показало необходимость воссоединения начала и «Продолжения» «Мыслей». Именно в качестве введения в критическое исследование должна рассматриваться законченная часть записки, посвященная предисловию Карамзина. В соединении с «Продолжением» политическая часть записки приобретает особую остроту.

Задачей данной работы, таким образом, является полная публикация записки с необходимыми для понимания ее справками. Не ставя себе цели дать характеристику Муравьева-историка (что потребовало бы прежде всего полного обследования его рукописного наследия), мы тем не менее должны остановиться на обзоре исторических работ и высказываний Муравьева, которые предвзяли его работу над публикуемой запиской.

Никита Михайлович Муравьев (1795—1843), один из идеологов декабристского движения, автор конституции и агитационного произведения, именуемого «Любопытный разговор», особенно интересовался историческими вопросами и был знатоком в области отечественной и всеобщей истории. Это отразилось и на его конституции и на «Любопытном разговоре».

Политическая деятельность определила также исторические интересы Муравьева, которые не могут рассматриваться вне задач декабристского движения.

Большинство исторических замыслов Муравьева относится к 1815 году⁸, и дата эта вполне закономерна, так как вопросы отечественной истории были в центре внимания передовой дворянской молодежи, недавно вернувшейся с поля сражения. Внимание к истории было связано с идеями воспитания русского юношества. Вопросы воспитания в эту пору выдвигались на первый план и обсуждались в различных обществах и на страницах журналов. Двадцатилетний Никита Муравьев написал записку «Некоторые мысли о воспитании и словесности»⁹. Записка начинается словами: «Частное воспитание должно быть обращено к цели гражданства». В следующем пункте записки раскрываются способы воспитания подлинного гражданина. Муравьев пишет: «... должно прихотчивать детей к чтению древней истории, обильной великими примерами бескорыстия, душевного величия, любви к Отечеству и самоотвержения». Заключительный пункт записки, выразивший ее общую идею, гласит о необходимости «порождать и укреплять <...> внимание в свойства правления и народную гордость». Всему этому должно было содействовать чтение исторических книг, и Муравьев предлагал издание «Сокращенной русской истории, заключающей в себе главные черты добродетели и геройства»¹⁰.

В «Рассуждении о жизнеописаниях Суворова», написанном в 1815 г. и напечатанном в «Сыне отечества»¹¹, Муравьев сетовал на то, что «муза истории дремлет у нас в России», и призывал к созданию подлинной биографии Суворова для воспитания юношества в духе суворовской доблести. Одновременно с Муравьевым пропагандировал историческое изучение и Ф. Н. Глинка, выступивший в 1815 г. в «Русском вестнике» с «Рассуждением о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Эти призывы молодых вольнодумцев вскоре по образованию первых тайных обществ перешли в планомерную пропаганду отечественной истории, о которой впоследствии (уже в Сибири) писал Муравьев в «Заметках о тайном обществе». Чтение исторических сочинений должно было, по словам Муравьева, служить «развитию народных способностей»¹².

Мысль о несокрушимом духе русского народа одушевляет первые исторические работы Муравьева. О стойкости и силе русского солдата мы читаем в «Журнале военных действий 1811—1813 гг.». Рукопись «Журнала» состоит из многочисленных русских и французских записей, разбросанных в черновых тетрадях Муравьева¹³. «Существует одна только преграда завоевателям — дух народа», — пишет Муравьев в «Рассуждении о жизнеописаниях Суворова» (1815)¹⁴. Именно в глубоком понимании народного духа — гений Суворова. Полководец лишь выразитель народной мысли, и в этом истинный источник великих побед. Можно предполагать, что Муравьев задумывал большой труд о Суворове и для этого труда предварительно начал два критических

Н. М. МУРАВЬЕВ
Рисунок О. А. Кипренского, 1813 г.
Литературный музей, Москва

разбора: упомянутое «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова» и «Критическое описание кампании 1799 года»¹⁵.

Среди исторических замыслов Муравьева 1811—1815 гг. особое внимание привлекает «История стран, орошаемых Амуром»¹⁶. Наброски представляют собой описание сибирских походов XVII в., которые Муравьев рассматривает как закономерное движение на восток к новым, свободным землям, движение, подсказанное народной мыслью¹⁷.

Знакомство с перечисленными историческими сочинениями Муравьева дает представление не только о круге вопросов, занимавших его в годы возникновения тайных политических обществ, но и о характере его исторических интересов.

Муравьева увлекала не столько описательная, сколько критическая история, критическое исследование исторических трудов и их первоисточников. Такова работа Муравьева над историей походов 1756 и 1799 гг. Таково «Рассуждение» о книгах, посвященных Суворову. Таким же критическим исследованием являются и «Мысли об истории государства Российского».

Выход в свет 1 февраля 1818 г. восьми томов «Истории государства Российского» был событием большого значения. Труд Карамзина, казалось, явился ответом на запросы передовой молодежи, характерные для времени после кампаний 1812—1815 гг. У русского читателя, наконец, была отечественная история, написанная доступно, тем «сильным и кратким слогом», о котором мечтал в 1815 г. Муравьев¹⁸. Вся читающая Россия обратилась к сочинению Карамзина. По словам Пушкина, появление труда Карамзина наделало много шума и произвело сильное впечатление. «Несколько времени ни о чем ином не говорили»¹⁹. Муравьев писал матери 14 февраля 1818 г., что полученные им тома «Истории» «от всех сторон рвут из рук». Сам он немедленно принялся за чтение. 15 апреля 1818 г. Муравьев писал матери, что уже «прочел всю первую часть Карамзина», 22 апреля — что «принялся жестоко за Российскую историю и прочел ее четыре тома». В письме от 16 мая Муравьев сообщает о прочтении семи томов «Истории» и о том, что он «пестрит книгу своими замечаниями»²⁰. При таких темпах, повидимому, все восемь томов «Истории» были прочитаны и испещрены замечаниями к концу мая. Тогда же, можно предполагать, был задуман Муравьевым и «ключ» к «Истории», названный «Описью предметам, помещенным в Ист<ории> гос<ударства> Рос<сийского>»²¹. Однако от «Описи» осталась лишь заготовленная тетрадь — алфавит с выписками нескольких слов на букву «А»²².

По окончании чтения Муравьев начал выписки из источников, нужных ему для критической оценки отдельных мест труда Карамзина. Эти предварительные выписки и переводы из источников, датируемые началом 1818 г., мы находим в тетрадях Муравьева. При этом следует отметить, что некоторые из выписок 1818 г. совпадают с более ранними, сделанными еще задолго до выхода в свет «Истории государства Российского». Так мы узнаем, что вопросы, затронутые Карамзиным в первых главах, интересовали Муравьева еще в 1815 г.

Никита Муравьев взял на себя роль критика «Истории» Карамзина не как случайный любитель и знаток истории, а как политический деятель, в то время уже один из основателей Союза Благоденствия; необходимо было показать русскому читателю ложность политического направления Карамзина. Рассказ Карамзина о фактах отдаленного прошлого русского народа надо было подвергнуть подробному и глубокому пересмотру в свете передовых идей, пропагандируемых декабристами. Подобную задачу ставил перед собой Муравьев; она была обширна и требовала времени. Вот почему Муравьев торопился с оглашением вводной части своего исследования, в которой оспаривались исторические взгляды Карамзина, изложенные в предисловии к первому тому «Истории». При этом, разумеется, Муравьев понимал, что для убедительной критики мыслей Карамзина было недостаточно полемически опровергать общие рассуждения, высказанные в предисловии; требовалось последовательное раскрытие ошибок и «темных мест» «Истории», происходивших от неверных идеологических посылок.

При чтении «Мыслей» Муравьева следует помнить, что в 1818 г., когда вышли в свет первые восемь томов «Истории государства Российского», Муравьев выступил

как политический противник Карамзина не в качестве сторонника ограниченной монархии, каким стал он в двадцатых годах, а в качестве республиканца, настаивавшего на решительной борьбе с самодержавием. Незадолго до появления «Истории государства Российского» Муравьев занимал крайнюю позицию в Союзе Спасения и развивал бурную политическую деятельность как один из создателей Союза Благоденствия. Свои революционные убеждения Муравьев пересмотрел лишь в 1821—1822 гг.

«Мысли» Муравьева по поводу предисловия Карамзина к первому тому «Истории» выражены четко и просто.

Муравьев начинает с посвящения, где Карамзин говорит, что «история народа принадлежит царю»²³. Муравьев совершенно не разделяет этой мысли. По его мнению, «история принадлежит народам», и народы должны находить в ней «изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий». С этой точки зрения намерен Муравьев судить о труде Карамзина. Муравьев возражает против консервативной мысли Карамзина о необходимости мудрого примирения с благодетельной властью, которая обуздывает бурное стремление мятежных страстей. История для Муравьева это — борьба, развитие; творец истории — народ. Властители обязаны лишь руководствоваться благами устремлениями народной мысли и воли. Как и просветители XVIII в., в частности Радищев, декабристы смотрели на народную массу как на силу, определяющую движение истории. В этом была прогрессивность их исторических воззрений. Но понимание роли народа как движущей силы истории было ограничено у декабристов. Видя идейные мотивы движения масс, прогрессивные историки начала XIX в. не учитывали социальной природы народных движений.

Эту неполноценность в понимании роли народа, характеризующую историков до Маркса, отмечал Ленин. В статье «Карл Маркс» Ленин писал о том, что прежние исторические теории «не охватывали как раз действий *масс* населения» и «в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы»²⁴. Но из этих положений не следует, что Ленин отрицал за историками до Маркса самое признание роли народа. Ленин лишь указывал на ограниченность этого понимания, на то, что историки «не охватывали» побуждающих к движению социальных предпосылок. Вера в народ, выраженная в замечаниях Муравьева, конечно, не лишена противоречия. Как и для всех декабристов, для Муравьева народ, граждане составляли некую единую, социально не разделенную массу — «*toutes les masses d'hommes*», как определял понятие народа Н. И. Тургенев²⁵. Масса эта имела единую волю и единый нравственный облик. Отсюда происходила идеализация древней Руси «времен Святослава и Владимира» со всеми гражданскими установлениями древности, идеализация народовластия древних Пскова и Новгорода и отрицание положительных государственных начал во времена правления Ивана III и Ивана IV. Мысли, высказанные Муравьевым по поводу древнего и средневекового периодов русской истории, очень характерны для декабристов. Как известно, и позднее, в тридцатых-сороковых годах, декабристы высказывались в том же духе.

Не соглашаясь с Карамзиным и в трактовке роли историка. Муравьев вообще отрицает возможность спокойного беспристрастия в изложении исторических событий, которым, якобы, руководствуется автор «Истории государства Российского». Записка Муравьева заканчивается ссылкой на Тацита, которого «одушевляло негодование»²⁶. Теория объективного изложения тем менее убедительна для Муравьева, чем отчетливее для него политическое направление самой «Истории государства Российского», которая, вопреки уверениям Карамзина о полном беспристрастии изложения, являлась очевидным панегириком самодержавию. Возражения против любви к «пригесителям и закленам» были прямой пропагандой и придавали записке Муравьева характер революционного памфлета.

Не ограничиваясь кабинетной работой над вышедшими томами, Муравьев как бы возглавил молодую партию идейных противников Карамзина, побуждая передовую молодежь к критическому разбору «Истории государства Российского». «Молодые якобинцы негодовали», — писал Пушкин²⁷.

В. Д. Корнильев, знакомый Карамзина, читал в двадцатых годах Погодину, еще студенту, из своей записной книжки описание вечера в доме Муравьевых, где молодежь рассуждала с хозяином об «Истории». «Вдруг вошел к ним сам Николай Михайлович, живший в одном доме <то есть в доме Муравьевых. — И. М.>. Они обратились к нему с своими возражениями». Характеризуя эти возражения, Погодин пишет: «Гвардейская молодежь, приготовлявшаяся к 14 декабря, была против „Истории“ Карамзина, не находя в ней подтверждения своим теориям и утопиям»²⁸.

«Теории и утопии», подтверждения которым декабристы не нашли в «Истории государства Российского», касались не только общеполитических воззрений. Здесь были теории и гипотезы, связанные с основными вопросами русской истории, в частности — с вопросом становления русской государственности. Единомысленники Муравьева отвергали монархическую основу, на которой Карамзин строил свое представление об исконных формах русского государства: они противопоставляли этой теории свою идею исконного стремления русских к народоправству, коренящемуся в дорюриковской истории Руси. Декабристов волновало великое прошлое русского народа до Рюрика, связанное с крупнейшими событиями мировой истории. Именно в этой области они ждали от Карамзина новых разысканий. И Николай Тургенев, и Никита Муравьев, и Михаил Орлов останавливались на этих вопросах²⁹.

Муравьев интересовался происхождением и историей славян задолго до появления «Истории» Карамзина. Судя по одной выписке, его интерес сосредоточивался на военном могуществе славян-предков и на их народном правлении, не терпящем «единодержавия». На эту тему в тетради 1815 г.³⁰ мы находим выписку — перевод из книги Прокония «О готской войне». Выписка трактует о победах славян над войсками Юстиниана. Не ограничиваясь своим переводом, Муравьев приводит тут же и перевод Ломоносова из 4-й главы I части его труда «Древняя российская история». Вероятно, в изучении вопроса Муравьев отправлялся не непосредственно от византийского источника, а от исследования Ломоносова. Обращение юного Муравьева к исследованию Ломоносова не является случайным. Оно тем более любопытно, что труд этот мало ценился ведущими историками начала XIX в. Критикуя периодизацию русской истории у Карамзина, Муравьев вернулся к мыслям Ломоносова. Ломоносов считал первым, древнейшим периодом русской истории — дорюриковский. Он начинал свою документацию с VI в. н. э., то есть со времени славянских войн против юстиниановской Византии, а не со второй половины IX века, с так называемого «призвания варягов». Останавливая свое внимание на дорюриковском периоде, Ломоносов имел возможность показать те стороны народного духа славян, которые и определили, по его мнению, будущее величие Руси. В «Древней российской истории», в первой ее части «О России прежде Рурика» Ломоносов описывает славян в их величавой простоте, мужестве и силе.

Он писал о том, как славяне, «ненавидя римского ига» и «любя свою вольность»³¹, были чужды единодержавию и управлялись властью народной. Ломоносов не верил в добровольный отказ славян от народовластия в IX в. Он писал, что «к приведению наших славян под самодержество необходимо нужен был герой с храбрым народом»³². Какова бы ни была идея Ломоносова о славянах и как бы ни пытался он в дальнейшем показать благополучие монархического правления на Руси — все это не ослабляет тех его утверждений, которые, несомненно, были близки историку-декабристу и могли противостоять взглядам Карамзина.

Само название определяет характер исторического труда Карамзина. Его целью является не история русского народа, интересовавшая декабристов, а история русской государственности. Начала ее он видит не в народовластии у восточных славян, а в установлении монархического строя.

Карамзин считает древнейшим, первым периодом — время «от Рюрика до Иоанна III», оставив как бы за пределами русской истории изложение дорюриковского периода. Первые три главы «Истории государства Российского» по существу являются лишь введением³³. В характеристике древних славянских племен у Карамзина заметно стремление подвести читателя к выводам, изложенным в первой основной главе (по счету IV).

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

Изданіе въ Братъевъ Саломіи.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Гучѣ.

1849.

ИМЕНА ОСОБЪ,

подписавшихся на второе издание ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО, при содѣянъ и осянъ томъ.

Ихъ Святѣйштыя:

Грѣзъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, на вел.
Грѣзъ Федоръ Петровичъ Толстой.
Князь Сергѣй-Александръ Трубецкой, Казимиръ Владиміръ.
Грѣзъ Владиміръ Александровичъ Мушинъ-Пушкинъ.

Ея Высочайшеско-княжеская:

Марія Александровна Нарышкина, на вел.

Ихъ Превосходительствъ:

Камергера Николаева Евгеньевъ.
Секретаря Антонова Николаевичъ.
Андрей Михайловичъ.
Напалава Федоткина Паскевича.

Ихъ Высочайшескія:

Владиміръ Александровичъ Симанскій.
Марія Сергѣевна Алексеева.
Евдокимъ Филипповичъ Зиболонскій.
Григорій Сергѣевичъ Кушниковъ (въ Москвѣ).

Ихъ Высочайшескія:

Александръ Давидовичъ Витупскій.
Матвей Павловичъ Ахматовъ.
Иосифъ Федоровичъ Адрасъ (въ Гроднѣ).
Владиміръ Петровичъ Абутовъ.
Петръ Яковлевичъ Удальцовъ.
Петръ Яковлевичъ Нефедьевъ.
Александръ Михайловичъ Чистовъ.
Александръ Андреевичъ Толмачевъ.
Федоръ Федоровичъ Ралль.
Иванъ Ивановичъ Витупскій.
Иванъ Васильевичъ Ягоровъ (въ Самбірскѣ).
Александръ Николаевичъ Давыдовъ.

Александръ Ивановичъ Митинскій.
Владиміръ Богдановичъ Бронскій.
Федоръ Федоровичъ Шубертъ.
Андрей Павловичъ Берсманъ.
Владиміръ Александровичъ Семеновъ (въ Москвѣ).
Осипъ Николаевичъ Писаревъ.
Василій Александровичъ Савиловъ (въ Москвѣ).
Вячеславъ Андреевичъ Терещенко.

Ихъ Багровыя:

Давидъ Михайловичъ Вережковъ, на вел. (въ Москвѣ).
Александръ Михайловичъ Козловъ.
Николай Павловичъ Ивановъ.
Василій Павловичъ Мейеръ.
Василій Михайловичъ Павловскій.
Василій Михайловичъ Колесниковъ.
Василій Михайловичъ Павловскій.
Александръ Александровичъ Николаевскій.
Павелъ Николаевичъ Арловъ.
Григорій Губерскій Прохуровъ Горталъ.
Кондратій Федоровичъ Ралль.
Андрей Михайловичъ Сидоровъ.
Василій Михайловичъ Рубинъ (въ Москвѣ).
Михайлъ Федоровичъ Рубинъ (въ Москвѣ).
Собрание багровыхъ александровъ Московскаго Университетскаго Панагона.

Духовныя Особы:

Кляскаго Собора Отецъ Протоіерей Іоанн Іоанновичъ
Владиміръ.
Отецъ Іерей Іоаннъ Андреевичъ Градскій.
Кляскаго Собора Клеіеръ Іерей Петръ, Николай.
Мисловскій.

Купцы:

Иванъ Александровичъ Златовъ.
Александръ Сергѣевичъ Поповъ.
Александръ Ивановичъ Калашниковъ.
Божской купецъ Абрамъ Михайловичъ Рубинъ.
Муромской купецъ Михаилъ Васильевичъ Зюльманъ.

Кресты:

Грѣзъ Наремелъ крестыни Іоаннъ Давидовичъ Жигаревъ.
Василій Павловичъ Пономаревъ.

СПИСОК ЛУДЪ, ПОДПИСАВШИХСЯ НА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО Н. М. КАРАМЗИНА.
ВЪ ЧИСЛѢ ПОДПИСАВШИХСЯ К. Ф. РЫБЕВЪ И Н. М. МУРАВЬЕВЪ, 1819 Г.

Приложение к 8-му тому издания (имена Рыбеева и Муравьева отмечены нами звездочкой)

Эти выводы сводятся к тому, что славяне, добровольно отказавшись в середине IX века от «древнего народовластного правления», были обязаны «величием своим счастливому введению монархической власти»³⁴.

Что касается самого народовластия, то в соответствующем разделе III главы Карамзин пишет о том, что народ славянский из-за дикости своей «не терпел ни владычинов, ни рабов на земле своей». В «призвании варягов» историограф видит результат постепенной цивилизации славян. Разумеется, подобная точка зрения была чужда декабристам.

Характерно в этом смысле высказывание Лунина в его сибирской записной книжке. «Славяне, — пишет Лунин, — призывая авантюриста Рюрика и его шайку, имели в виду защиту своих границ от воинственных соседей и кочующих орд, бродивших в то время по Европе<...> Многие народы, слабые в начале своего существования, прибегали к этому средству, которое всегда имело роковые последствия для свободы страны»³⁵. Мнение Лунина, высказанное в середине тридцатых годов, являлось выражением тех мыслей, которые сложились у него еще до ссылки.

Идея исконности народовластия, присущего русскому народу, широко пропагандировалась декабристами. В «Любопытном разговоре» Муравьева, предназначавшемся для распространения, задается вопрос: «Какое было на Руси управление без самодержавия?» На это следует ответ: «Всегда были народные *вечи*». Далее идет характеристика вечевоего правления на Руси, а затем на вопрос: «Почему же сии *вечи* прекратились, и когда?» — Муравьев отвечает: «Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствоваться тиранской их власти»³⁶. Характерно, что вопрос об исконности народовластия, присущего русскому народу, Муравьев не преминул вновь поднять уже в ссылке (в 1836—1840 гг.) в своих примечаниях к «Разбору донесений Тайной следственной комиссии» Лунина. Там он писал, что слово «самодержец» впервые появляется в грамотах В. Шуйского «из подражания византийцам», что «веча народные, повсюду в России происходившие, не могли быть совместны с самодержавием» и что «вечевой колокол умолк только в 1570 году»³⁷.

Это проливает свет на тщательные разыскания Муравьева для критической отповеди Карамзину по вопросу о величии или «дикости» славян дорюриковского периода и связывает Муравьева в этом вопросе с идеями Ломоносова. Однако Муравьев не хотел оспаривать идеи Карамзина прежде чем сам не осуществит тщательной проверки и сопоставления источников и не сможет разобраться в специальных вопросах интересующего его периода.

Прекрасное знание древних и новых языков позволило двадцатичетырехлетнему критику свободно обращаться с материалами «Истории государства Российского». В публикуемом наброске мы видим цитаты из Диодора Сицилийского и Геродота по подлинникам. Проверка ссылок заставляет Муравьева привлекать и другие источники, к которым Карамзин не обращался, например «Всеобщую историю» Полибия, «Сатурналии» Макробия и др.

Особенно обильны и разнообразны выписки Муравьева, касающиеся венецов. Здесь он критически проверяет одного историка другим, стремясь вскрыть противоречия, встречающиеся в свидетельствах Диона Хрисостома, Полибия, Страбона, Тита Ливия, Корнелия Непота, Прокопия и Иордана. От средневековых свидетельств он переходит к гипотезам, выдвигаемым новыми историками. В отличие от придирчивой критики Каченовского³⁸ и разбора Ходаковского³⁹, раздувавших мелкие неточности Карамзина, разбор Муравьева и в его черновом виде представляет собой критику, основанную на широких интересах и ясных идейных требованиях.

Выписки из Полибия и из Макробия свидетельствуют об интересе критика к социальным и политическим установлениям древнего славянства, не столь примитивным, как это обрисовано Карамзиным. Муравьева увлекает гипотеза (приведенная Карамзиным), которая отождествляла предков славян с народами, участвовавшими в таких событиях, как Троянская война и борьба за свободный Рим. Муравьев перенимает свидетельства древних в пользу этого предположения⁴⁰, однако он осторожен и не спешит с окончательными выводами; он подвергает тщательному просмотру

все свидетельства античных и византийских историков. Задачей Муравьева является лишь установление «темных мест» Карамзина в вопросе о происхождении и роли в истории славян-предков. Общим выводом критического разбора первых глав является вывод о недостаточности аргументации Карамзина, проистекавшей от отсутствия специального интереса к теме.

Своим разбором, с привлечением новых источников, Муравьев стремился утвердить важность темы и доказуемость нескольких предположений, недостаточно проверенных Карамзиным. Так, одной из основных небрежностей Карамзина Муравьев считает его трактовку взаимоотношений славян с Римом. Четыре раза в своих черновиках Муравьев возвращается к неверной, с его точки зрения, мысли Карамзина, что «римляне, заняв Фракию, приобрели для себя несчастное соседство варваров»⁴¹. Во-первых, Муравьев против самого наименования славян «варварами» в том случае, если «гипшанцы, британны, германцы и парфяне» не носят того же имени по отношению к Риму. Во-вторых, он напоминает Карамзину, что славяне не были врагами республиканского Рима, а наоборот, оказывали ему неоценимые услуги. На этом Муравьев останавливается подробно, выписывая соответствующие факты и даты. И наконец, Муравьев решительно возражает против той идеи, что гибель Рима произошла от нашествия варваров.

«Он погиб сам от себя: как ржавчина съедает железо, так пороки истребили его силу. Свободный Рим возвышался среди варваров в продолжении 700 лет», — пишет Муравьев, — а «деспот Август навеки потушил пламенный свод свободы» и тем самым ослабил его мощь.

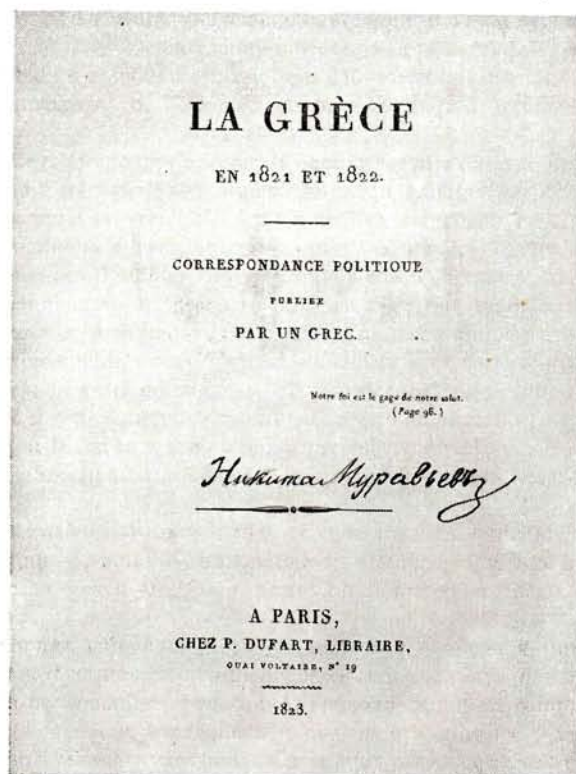
Мысли о рабстве, самовластии и свободе рассеяны по всем черновым записям и выпискам «Продолжения». Именно эти вопросы, совершенно обойденные Карамзиным, поднимает Муравьев, говоря о славянах-предках. Он делает любопытную выписку из «Сатурналий» Макробия⁴² «о том, что нельзя пренебрегать долей рабов». Макробий пишет: «Не думай, что это произошло только в нашем государстве. Когда борисфенитов <то есть жителей Ольвии. — И. М.> осаждал Зопирион, они, освободив рабов, <...> смогли выдержать нападение врага». Выписка эта, конечно, не только свидетельствует об интересе Муравьева к проблеме рабства у «борисфенитов»; она связана с постоянными его размышлениями по поводу рабства в России. Следы этих размышлений мы находим в разных записях, выписках и афоризмах среди черновиков критической записки. Одна из таких записей по своей теме имеет прямое отношение к выписке из Макробия. Муравьев пишет: «Можно будет со временем сказать нашему дворянству то, что Тиверий Гракх говорил патрициям, что лучше — гражданин или раб вечный, ратник или бесполезный на войне человек. Для того, чтобы иметь несколько лишних противу других граждан десятин земли, вы подвергаете себя опасности, что враги похитят то, в чем вы нам отказываете» <то есть свободу. — И. М.>⁴³.

В рассуждениях о причинах гибели Рима мы находим ряд политических намеков. Так, например, совершенно ясно, что, говоря о римских вельможах, «воспитанных греками <...>, чуждающихся языка своего» и равнодушных к судьбам своего народа, — Муравьев имеет в виду русских вельмож, их французский язык, предпочитаемый русскому, их отчужденность от русского народа. Тема эта в 1818—1819 гг. была одной из основных в декабристской литературе⁴⁴. Одна из черновых записей к «Продолжению», недоработанная и поэтому не включенная в основной текст, посвящена вопросу о влиянии хозяйства на «благоденствие и даже величие государств». Речь идет опять-таки о состоянии Рима в эпоху войн со славянскими племенами. Муравьев видит причину падения Рима в «слишком неравном разделении богатств». Он рисует мрачную картину Италии времен Августа, «покрытой пустырями и наполненной рабами».

Однако не в политических намеках идейная ценность работы Муравьева над первыми главами «Истории» Карамзина. Цель его критики в выдвижении тех вопросов, которые не были в поле зрения Карамзина. Это не огульное опровержение труда Карамзина с иных политических позиций, а развернутый, последовательный пересмотр источников под углом зрения ведущей идеи.

«ГРЕЦИЯ В 1821 И 1822 ГОДАХ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.
ОПУБЛИКОВАННАЯ ОДНИМ
ГРЕКОМ». ПАРИЖ, 1823 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕ-
СКОЙ НАДПИСЬЮ
Н. М. МУРАВЬЕВА

Библиотека Московского универ-
ситета им. М. В. Ломоносова

Есть основания думать, что Муравьев не скрывал от Н. И. Тургенева и других близких ему членов тайных обществ продолжение своей работы над критикой «Истории» Карамзина, а может быть, кое-что и сообщал им из своих заметок⁴⁵. Во всяком случае, именно «Продолжение» разбора, оставшееся в черновиках, могло придавать особую значительность политической записке Муравьева.

После своего выступления в качестве критика Карамзина, Муравьев как бы становится признанным выразителем исторической мысли декабристов. Это признание определяется не только обширными знаниями Муравьева и умением разобраться в источниках, но прежде всего политической сущностью его исторических интересов.

В позднейшем сочинении М. С. Лунина «Розыск исторический» дано чрезвычайно характерное для декабристов определение исторических интересов. «История нужна,— пишет Лунин,— не только для любопытства и умозрения, она путеводит нас в высокой области политики»⁴⁶.

О взаимосвязи истории и политики писал и Н. И. Тургенев: «...науки политические должны всегда идти вместе с историею и в истории, так сказать, искать и находить свою пищу и жизнь»⁴⁷.

В качестве историка и политика Муравьев должен был участвовать в предполагаемом журнале общества «Арзамас», инициатором которого были Н. И. Тургенев и М. Ф. Орлов. О надеждах на Муравьева пишет Н. И. Тургенев в дневнике⁴⁸ в связи с задуманным созданием в начале 1819 г. Журнального общества и изданием журнала «Архив политических наук и российской словесности»⁴⁹. Возможно, что Муравьев участвовал в составлении программы журнала, в историческом экскурсе, которым Тургенев подкреплял доводы в пользу возрождения политических интересов и знаний. В программе есть обращение к древнему периоду отечественной истории как истоку закономерного стремления «россиян» к гражданственному усовершенствованию. Тургенев говорит о характере и свобододолюбивом духе русского народа примерно то же, что и Муравьев в своих «Мыслях». Тургенев вносит в свой

«проспектус» даже мысль Муравьева о «чудном стремлении к величию», которое помогало древним славянам и их русским потомкам в години бедствий и испытаний. Тургенев пишет: «Инстинкт величия, спасавший наше отечество в эпохи бедствий и разрушения, никогда не оставит Россию, будет ей сопутствовать и направлять ее на поприще гражданственности». Вряд ли такое, почти буквальное совпадение мыслей Тургенева с «Мыслями» Муравьева является случайным.

Вероятно, к разысканиям Муравьева восходит и упомянутое Пушкиным высказывание М. Ф. Орлова о «блестящей гипотезе», недостающей у Карамзина⁵⁰, так как сам Орлов никогда не занимался этим специальным вопросом.

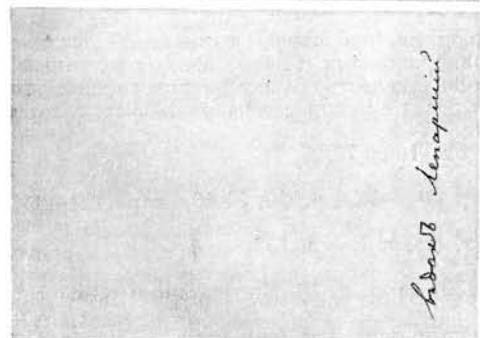
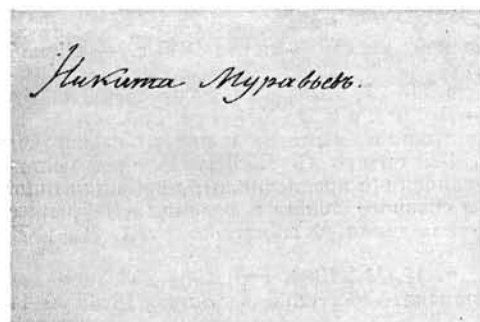
Записка Муравьева, явившаяся выражением исторических взглядов декабристов, была хорошо известна в передовых кругах литераторов.

Связь с «Мыслями» кажется несомненной в эпиграмме на Карамзина, не без основания приписываемой Пушкину:

В его Истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастия
Необходимость самовластия
И прелести кнута⁵¹.

Безусловного союзника имел Муравьев в лице Н. И. Гнедича. В набросках истории Малороссии Гнедич высказал идеи, совпадающие с «Мыслями» Муравьева⁵².

Нет оснований думать, что работа Муравьева над критикой «Истории государства Российского» ограничилась той частью записки, которую сохранили нам архивы. У нас есть собственное свидетельство Муравьева, что первые восемь томов «Истории» он испестрил замечаниями на полях⁵³. Следовательно, Муравьев критически осмыслил «Историю» Карамзина вплоть до начала царствования Ивана IV.

(Н. Г. УСТРЯЛОВ) «СКАЗАНИЯ КНЯЗЯ КУРБСКОГО», ч. II, 1833 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ Н. М. МУРАВЬЕВА

Книга, читанная Муравьевым в Петровском остроге. Внизу помета коменданта острога:
«видал Лепарский». Форзац и шмуцтитул книги

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Вопрос о том, ограничилась ли критика Муравьева этими замечаниями на полях или он продолжал свои «Мысли об Истории государства Российского» — относится уже к области предположений. Тетради Муравьева не дают никаких следов новых «Продолжений» критики Карамзина, записи в них кончаются 1818 годом и только одна из старых тетрадей (1815) имеет случайные позднейшие наслоения двадцатых годов.

Из того обстоятельства, что в семье Муравьева сохранялась лишь эта небольшая часть написанного Муравьевым, можно заключить, что Муравьев уничтожил все рукописи, относящиеся ко времени его руководящей деятельности в тайных обществах. Сохранилась в основном лишь часть его юношеского архива. Судя по напряженному интересу Муравьева к вопросам отечественной истории, по многочисленным записям и историческим заметкам в его тетрадях 1815—1818 гг., трудно представить, чтобы интерес этот иссяк после 1818 г.

Единственным известным историческим сочинением Муравьева более позднего времени являются его примечания к «Разбору донесения Тайной следственной комиссии», сделанному Луниным в конце тридцатых годов. Восьмое примечание Муравьева⁶⁴ и является кратким обзором истории борьбы за народовластие в России со времен древних вечевых собраний до царствования Александра I. Из этой замечательной по своей целеустремленности и четкости исторической заметки мы можем сделать вывод, что в конце тридцатых годов Муравьев продолжал интересоваться тем же историческим вопросом, который явился главным для него в критике Карамзина 1818 г.

Это дает возможность представить себе и характер утраченных замечаний Муравьева на последующие главы «Истории государства Российского».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо М. С. Лунина к М. Н. Волконской весной — летом 1843 г. — «Декабрист Лунина и его время». Л., 1926, стр. 273.

² Хранятся в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, дд. 68, 97, 98.

³ «Из автобиографических записок». — Пушкин, т. XII, стр. 306.

⁴ Первое упоминание о рукописи «Продолжения», выписки и цитаты из него мы находим в книге: Дружинин, стр. 102. Эти цитаты С. Я. Штрайх произвольно соединил с неполным текстом первой части записки (о предисловии), опубликованной в 1861 г., и представил в виде единого якобы связного текста в издании «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. Л., 1951, стр. 333—336.

⁵ М. П. Погодин. Н. М. Карамзин, ч. II. М., 1866, стр. 198—203.

⁶ П. К. Щербальский. Н. М. Карамзин. — «Русский вестник», 1866, № 11, стр. 191—261.

⁷ Дружинин, стр. 98—103.

⁸ Десять исторических сочинений Муравьева (в большей части своей незаконченных) хранятся в ЦГИА (ф. № 1153) в виде черновых и перебеленных рукописей. Они, несомненно, составляют лишь незначительную часть его литературного наследия, так как Муравьев уничтожал свои бумаги перед арестом в декабре 1825 г., а затем в марте 1841 г. после ареста Лунина в Урике.

⁹ Не опубликована. ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 79/23.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Сын отечества», 1816, ч. 27, № 6, стр. 218—232; ч. 29, № 16, стр. 121—140; ч. 34, № 46, стр. 3—16 (подпись: М. Н.).

¹² «Воспоминания и рассказы деятелей т. о.», т. I, стр. 136.

¹³ ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, дд. 75, 79.

¹⁴ Черновая рукопись в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 78. Напечатано в «Сыне отечества», 1816, № 16, стр. 129.

¹⁵ Черновые заметки: «План критического описания кампании 1799 года». — ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 79.

¹⁶ ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 75.

¹⁷ Муравьев обращает особое внимание на хозяйственные и строительные предприятия русских отрядов, на их оседание в Приамурье. В «Истории стран, орошаемых Амуром» мы находим даты построек сибирских крепостей (острогов). — В той же рукописи находятся и выписки о приставках Каспийского моря.

¹⁸ «Некоторые мысли о воспитании и словесности» (см. выше).

¹⁹ <Из автобиографических записок>. — Пушкин, т. XII, стр. 306.

²⁰ ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 26.

²¹ «Онись» относится, по видимому, к 1818 г., хотя тетрадь, в которой она находится, Муравьев пользовался для своих записей в 1823—1824 гг. Хранится в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 87.

²² Таким образом идея «ключа», осуществленная в 1836 г. П. М. Строевым, впервые явилась еще в 1818 г. у Муравьева.

²³ Этими словами Карамзин заканчивает свое посвящение Александру I, предпосланное первому тому «Истории государства Российского».

²⁴ В. П. Л е н и н. Соч., т. 21, стр. 40.

²⁵ «Архив Тургеневых», т. III, стр. 280.

²⁶ Тацит для Муравьева был идеалом историка, именно в силу его ненависти к деспотизму. Можно сказать, что как историк Муравьев воспитывался на Таците, которого читал в подлиннике еще будучи отроком. В 15-летнем возрасте (в 1810 г.) Муравьев перевел «Нравы германские».

²⁷ <Из автобиографических записок>. — Пушкин, т. XII, стр. 306.

²⁸ М. П. П о г о д и н. Н. М. Карамзин, ч. II. М., 1866, стр. 198, 203—204.

²⁹ См. настоящий том, стр. 557—564.

³⁰ ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 81.

³¹ См. об этом в статье: Б. Д. Г р е к о в. Ломоносов-историк. — «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34.

³² М. В. Л о м о н о с о в. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. VI. М.—Л., 1952, стр. 191.

³³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., <1818>, стр. XXV. — Муравьев называет предисловие Карамзина «вступлением», — см. стр. 586.

³⁴ Там же, стр. 112.

³⁵ Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 23.

³⁶ ВД, т. I, стр. 322.

³⁷ «Записки декабристов», вып. 1. Лондон, 1862, стр. 121.

³⁸ «Письма киевского жителя к его другу». — «Вестник Европы», 1819, ч. 103, №№ 2, 3, 4; ч. 104, №№ 5 и 6.

³⁹ Зариан-Доленга Х о д а к о в с к и й. Разыскания касательно русской истории. — «Вестник Европы», 1819, № 20, стр. 277—302.

⁴⁰ По видимому, это же чувство национальной гордости руководило и М. Ф. Орловым. — См. настоящий том, стр. 565.

⁴¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., <1818>, стр. 11.

⁴² M a s c o b i u s. Saturnaliorum Liber I, cap. XI.

⁴³ ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 79.

⁴⁴ См., например, «Письмо к другу в Германию» А. Д. Улыбышева в бумагах «Зеленой лампы» (Б. Л. М о д з а л е в с к и й. К истории «Зеленой лампы». — «Декабристы и их время». I, стр. 36—40).

⁴⁵ Так, перебранный Муравьевым отрывок с заглавием «Нечто о скифах, сарматах, венетах и других древних народах» вполне мог предназначаться к чтению в декабристской среде, может быть, на заседании Журнального общества, задуманного Н. И. Тургеневым.

⁴⁶ Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 78—83.

⁴⁷ «Архив Тургеневых», т. III, стр. 381.

⁴⁸ Там же, стр. 191. — О надеждах, возлагаемых на Муравьева, пишет и А. И. Тургенев к И. И. Дмитриеву 6 мая 1819 г. («Русский архив», 1867, № 4, стб. 647).

⁴⁹ Как свидетельствует Н. И. Тургенев, Муравьев был единственным, кто читал в Журнальном обществе свое сочинение (11 апреля 1819 г.). Программа журнала, составленная Н. И. Тургеневым, опубликована А. А. Фоминич в статье «К истории вопроса о развитии в России общественных наук в начале XIX века». — «Русский библиофил», 1914, сентябрь, стр. 68—87, а также в «Архиве Тургеневых», т. III, стр. 376—382.

⁵⁰ Пушкин. <Из автобиографических записок>. См. об этом стр. 560 настоящего тома.

⁵¹ Принадлежность этой эпиграммы Пушкину оспаривается до настоящего времени (она не вошла в «большое» академическое издание сочинений Пушкина), хотя основанием для этого спора является только признание Пушкина, что он написал лишь одну эпигramму на Карамзина. Но так как существуют две эпиграммы, которые с достаточной убедительностью приписывались Пушкину, то одна из них, именно эта, была сочтена не принадлежащей поэту.

Между тем и поэтические достоинства и содержание эпиграммы говорят об авторстве Пушкина (см. Полн. собр. соч. Пушкина в десяти томах. Изд. АН СССР, т. VIII. М., 1949, стр. 522).

⁵² «Декабристы и их время», 1951, стр. 119—120.

⁵³ См. выше в письме к матери от 16 мая 1818 г. — Тома «Истории государства Российского», искренние замечания Муравьева, к сожалению, утрачены.

⁵⁴ «Записки декабристов», вып. 2—3. Лондон, 1863, стр. 121—125

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Н. М. КАРАМЗИНА

Sine ira et studio, quorum causas
procul habeo.

Tacit. An. l *

История принадлежит народам. В ней находят они верное изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий. Долго были мы лишены бытописателей, имея только Щербатова и Татищева¹. Наконец, Н. М. Карамзин, ревнуя к отечественной славе, посвятил 12 лет постоянным, утомительным изысканиям и привел сказания простодушных летописцев наших в ясную и стройную систему. Неоцененное благодеяние! С скромностью истинного дарования говорит нам историк, что в труде сем ободряла его надежда сделать российскую историю известнее. Исполнилось желание его — мы гораздо знакомее стали с делами предков наших. До сих пор, однако ж, никто не принял на себя лестной обязанности изъяснить историку общую благодарность. Никто не обзирал со вниманием великости труда его, красоты, соразмерности и правильности частей, никто не воздал писателю хвалы, достойной его, ибо хвала без доказательств есть хвала черни.

Неужели творение сие не возродило многих различных суждений, вопросов, сомнений! Горе стране, где все согласны. Можно ли ожидать там успехов просвещения? Там спят силы умственные, там не дорожат истинною, которая, подобно славе, приобретается усилиями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода суждениям читателей. Сомнения, изложенные с приличием, могут ли быть оскорбительными?

Основательное обозрение истории затруднительно для одного человека; философ, законоискусник, пастырь церкви, военный должны каждый в особенности участвовать в подвиге сем. Один должен вникать в дух, в котором она написана, — не приданы ли векам отдаленным мысли нашего века, не приписаны ли праотцам понятия, приобретенные уже внуками. Другой должен сверять ее с источниками. Третий — разбирать суждения сочинителя о торговле, о внутреннем устройстве, и так далее.

Пусть каждый изберет часть свою, но здесь читатель должен ожидать только изложения мыслей, возбужденных чтением сего творения, и беспорядочной смеси замечаний. Каждый имеет право судить об истории своего отечества.

Остановимся сперва на предисловии; в нем увидим, каким образом наш писатель обнял предмет свой и какими правилами он руководствовался. Вот его определение пользы истории: «Правители, законодатели действуют по указаниям истории... Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать как *искони мятешные страсти* волновали гражданское общество и какими способами *благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление*, чтоб учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им *возможное на земле счастье*».

История представляет нам иногда, как благотворная власть ума обуздывала *бурное стремление мятешных* страстей. Но согласимся, что сии примеры редки. Обыкновенно страстям противятся другие же страсти — борьба начинается, способности душевные и умственные с обих сторон приобретают наибольшую силу; наконец, противники утомляются, злоба обоюдная истощается, познают общую выгоду, и примирение заключается благоразумною опытностью. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народов, к коим принадлежат они сами, быть благоразумнее века и удерживать стремление целых обществ. Слабы

* Без гнева и пристрастия, причины которых я оставляю в стороне. — Т а ц и т. Анналы, I (лат.).

соображения наши противу естественного хода вещей. И тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинемся прошедшему — дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда порывались уже предки наши.

Вообще, от самых первых времен — одни и те же явления. От времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система.

Какой ум может предвидеть и объявить эти явления? Какая рука может управлять их ходом? Кто дерзнет в высокомерии своем *насильствами* учреждать и самый порядок? Кто противостанет один общему мнению? Мудрый и добродетельный человек в таких обстоятельствах не прибегнет ни к ухищрению, ни к силе. Следуя общему движению, благая душа его будет только направлять оное уроками умеренности и справедливости. Насильственные средства и незаконны и губительны, ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и то же. К тому же существа, подверженные страстям, вправе ли гнать за оные? Страсти суть необходимая принадлежность человеческого рода и орудия промысла, не постижимого для ограниченного ума нашего. Не ими ли влекутся народы к цели всего человечества? В нравственном, равно как и в физическом мире, согласие целого основано на борении частей *.

* Здесь Н. М. Муравьевым сделана пометка (*) и вставлены выписки из Попа и Монтескье:

All nature's difference keeps all nature's peace. По п е.

Pages 102 et 103 «*Grandeur et Décadence des Romains*» (Chap. IX).

Demander dans un État libre des gens hardis dans la guerre et timides dans la paix, c'est vouloir des choses impossibles: et, pour règle générale, toutes les fois qu'on verra tout le monde tranquille dans un État qui se donne le nom de République, on peut être assuré que la liberté n'y est pas.

Ce qu'on appelle union, dans un corps politique, est une chose très équivoque: la vraie est une union d'harmonie, qui fait que toutes les parties, quelque opposées qu'elles nous paraissent, concourent au bien général de la société, comme des dissonances dans la musique concourent à l'accord total. Il peut y avoir de l'union dans un État où l'on ne croit voir que du trouble, c'est-à-dire une harmonie d'où résulte le bonheur, qui seul est la vraie paix. Il en est comme des parties de cet univers, éternellement liées par l'action des uns et la réaction des autres.

Mais, dans l'accord du *despotisme asiatique*, c'est-à-dire de tout gouvernement qui n'est pas modéré, il y a toujours une division réelle. Le laboureur, l'homme de guerre, le négociant, le magistrat, le noble, ne sont joints que parce que les uns oppriment les autres sans résistance; et si l'on y voit de l'union, ce ne sont pas des citoyens qui sont unis mais des corps morts ensevelis les uns auprès des autres.

Grandeur et Décadence des Romains. Chap. IX.

⟨П е р е в о д: Всякая борьба в природе блюдет в природе покой. По п.⟩

Страницы 102 и 103 Монтескье «Величие и падение римлян» (глава IX).

Требовать, чтобы в свободном государстве люди были смелы в войне и робки во время мира, — значит желать невозможных вещей; и, как общее правило, если государство, именующее себя республикой, являет картину всеобщего спокойствия — можно наверное утверждать, что свободы там нет.

То, что именуют единением в политическом организме, — вещь весьма двусмысленная. Истинным является единение гармоническое, при котором все части, какими бы противоположными они нам ни казались, содействуют общему благу общества, как в музыке диссонансы содействуют общему созвучию. Возможно единение в государстве, в котором на первый взгляд господствуют волнения, т. е. такая гармония, из которой проистекает счастье, составляющее истинный мир. Это подобно частям нашей вселенной, вечно связанным действием одних и противодействием других.

Но в согласии *азиатского деспотизма*, т. е. неограниченного правления, заключается всегда на самом деле разлад. Земледелец, военный, торговец, правитель, дворянин соединены потому лишь, что одни угнетают других *без сопротивления*; и если там замечают единение, то это не граждане, живущие в единении, а мертвые тела, погребенные одно около другого.⟩

«Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с *обыкновенным* явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось...».

Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищ всего земного, но история должна ли только мирить нас с несовершенством, должна ли погружать нас в нравственный сон квиетизма? В том ли состоит гражданская добродетель, которую народное бытописание воспламенять обязано? Не мир, но *брань вечная* должна существовать между злом и благом; добродетельные граждане должны быть в вечном союзе противу заблуждений и пороков. Не примирение наше с несовершенством, не удовлетворение суетного любопытства, не пища чувствительности, не забава праздности составляют предмет истории: она возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле. Священными устами истории праотцы наши зывают к нам: *не посрамите земли русския!*

Несовершенство видимого порядка вещей есть, без сомнения, *обыкновенное явление во всех веках*, но есть различия и между несовершенствами. Кто сравнит несовершенства века Фабрициев или Антонинов с несовершенствами века Нерона или гнусного Элиогобала, когда честь, жизнь и самые нравы граждан зависели от произвола развращенного отрока, когда владыки мира, римляне, уподоблялись бессмысленным тварям?

Преступления Тиверия, Калигулы, Каракаллы, опустошавшего один город после другого, принадлежат ли к обыкновенным явлениям веков? Наконец, несовершенство воинственного, великодушного народа времен Святослава и Владимира сходятся ли с несовершенствами времен порабожденной России, когда целый народ мог привыкнуть к губительной мысли *необходимости*? Еще унизительнее для нравственности народной эпоха *возрождения* нашего, рабская хитрость Иоанна Калиты; далее, холодная жестокость Иоанна III, лицемерие Василия и ужасы Иоанна IV.

История может ли также утешать нас в государственных бедствиях, свидетельствуя, что бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее? Кто знает, не постигнут ли внуков наших бедствия еще ужаснее тех, кои претерпели наши деды? Государственные бедствия могут иметь последствием и разрушение самого государства. В <17>97 году венециане, читая в летописях своих, как некогда они противились Камбрейскому союзу *, могли ли тем утешаться, теряя ** свою независимость и славу. Не так думали древние об истории: «Кратка жизнь, — говорит Саллустий², — и так продлим память о себе сколь возможно более. — В познании событий всего полезнее то, что представлены нам примеры на светлом памятнике»³. Мы подражаем тому, что достойно подражания, презираем то, что постыдно начато и постыдно совершено (см. вступление Тита Ливия).

Не все согласятся, чтоб междоусобия удельных князей были маловажны для разума; ими подтверждается известный стих Горация: *Quidquid delirant Reges plectuntur Achivi****.

* В 1508 году король французский Людовик XII, император Максимилиан, герцог Савойский, феррарский, маркиз Мантуйский, флорентинцы и папа Иулий II объявили войну Венеции. В Камбрее заключен был союз между королем французским, королем Арагонским, императором Максимилианом и папою, к которым впоследствии пристали все вышеупомянутые союзники. — *Прим. автора.*

** В 1797 году Наполеон овладел Венециею, уничтожил республику и отдал ее земли Австрии. — *Прим. автора.*

*** «Сколько ни беснуются пары, расплачиваются ахивяне. — лат.»

Та же почти мысль выражена в песне Игоревой: «В княжих крамолах вспи человеком скратишась», стр. 17. — *Прим. автора.*

Сравнивая историю российскую с древнею, историк наш говорит: «Толпы злодействуют, режуся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дому — немного разности; если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы».

Я нахожу некоторую разность. Там граждане сражались за власть, в которой они участвовали; здесь слуги дрались по прихотям господ своих. Мы не можем забыть, что *полутигры Греции* наслаждались всеми благами земли, свободою и славою просвещения.

Наш писатель говорит, что в истории красота повествования и сила есть главное! Сомневаюсь. «Знание прав ученость остроумие глубокомыслие . . . в историке не заменяют таланта изображать действия». Бесспорно, но это не доказывает, чтоб искусство изображения было главное в истории. Можно весьма справедливо сказать, что талант повествователя не может заменить познаний учености, прилежания и глубокомыслия. Что важнее! Мне же кажется, что главное в истории есть *дельность* оной. Смотреть на историю единственно как на литературное произведение есть унижать оную. Мудрому историку мы простим недостаток искусства, красноречивого осудим, если он не знает основательно того, о чем повествует.

Следующее изречение неоспоримо: «Историку непозволительно мыслить и говорить за своих героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах остается ему порядок, ясность, сила, живопись». Охуждая холодность Юма⁴, наш писатель весьма справедливо замечает, что «любовь к отечеству дает кисти» историка «жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души». Согласен, но часто ли попадались Юму Алфреды⁵, а можно ли любить притеснителей и заклепы. Тацита одушевляло негодование⁶.

Впоследствии приступим к самой истории. Она тем любопытнее для нас, что писана, по уверению сочинителя*, «в народном духе и единственно для соотечественников, так что не может понравиться иноземцам, от сего характера русского, столь отличного от характера других народов!»

МЫСЛИ О ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

(Продолжение) ⁷

Первые три главы Истории составляют вступление. Г. К(арамзин) излагает нам сперва сведения греков и римлян о южных пределах нашего отечества; потом предлагает нам картину переселения народов, стремящихся на гибель Рима, наконец, останавливает наше внимание на праотцах наших — славянах, знакомит нас с их нравами, с их подвигами и переходит к основанию Российского государства. Сведения, оставленные нам Геродотом, о землях, составляющих ныне богатые области Подолии и Новой России, весьма любопытны. Его описания так верны, что по прошествии столь многих веков путешественник может еще руководствоваться ими.

Жаль, что приводимые им названия народов суть греческие, а не те, которые они сами себе давали. Имена алазонов⁸, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, агрипеев, исседонов скрыли от нас настоящие имена их, которые, по сравнению с существующими языками, могли бы открыть нам, к которой из великих семей человеческого рода они принадлежали.

* Смотри письмо историографа к французским переводчикам его Истории от 5 июня 1818 года, напечатанное ими на 4-й странице их объявления. — Прим. автора.

Споры и догадки Баера, Ломоносова, Пинкертонa, Малтебрюна⁹ ничего не открыли нам, как доказать — скифы ли мы или сарматы-чудь*.

Пренебрежение сие Геродота причинило истории нашей зло, которое невозможно исправить. Теперь невозможно нам решить, кто были сии народы — турки, славяне, германцы или кельты. В начале христианского летоисчисления появляются на сцену *сарматы — когда римляне, заняв Фракию, приобрели для себя несчастное соседство варваров (Ист. госуд. Российского, том I, стр. 11)*. Неужели римляне не имели соседства варваров до завоевания Фракии и берегов Дуная?¹⁰ Как же мы назовем галлов, гишпанцев, британцев, германцев, парфян? Нельзя приписывать несчастий и упадка Рима варварам — он погиб сам от себя, как ржавчина съедает железо, так пороки истребили его силу. Свободный Рим возвышался среди варваров в продолжение 700 лет, не страшась соседства, гибельного для одних врагов своих.

Причины ж бедствий народных в нем самом. Богатства сосредоточились в руках немногих¹¹. Большая часть граждан без собственности и земель стали рабами того, кто мог кормить их — одно состояние стало располагать имуществом и кровью всех прочих состояний. Славный Югурфа говорил уже о Риме: «О, город продажный, давно бы ты погиб, если б нашелся покупщик!»¹²

Окрестные народы оружием достали себе право участвовать в совещаниях народных. С тех пор исчезло бытие *народа властелина*. Властолюбцы приводили на форум вооруженные народы, чтоб заставить принять закон, для них выгодный.

Вельможи, воспитанные греками в правилах философии Эпикура, чуждались языка своего, думали об одних чувственных наслаждениях и утверждали в собраниях Сената, что нет будущей жизни, нет наказаний вечных для порока, наград вечных для доблести. Наконец, после Мариа, Цинны, Суллы, Помпея и Кесаря, хитрый деспот Август навски потушил пламенный свод свободы и отдал народ, зрелый для рабства и гибели, в руки достойных своих преемников — Тиберия, Калигулы и так далее. Уничтожение Сената удивило и сих извергов! Оставались военное устройство, познания, мертвые силы — ненадежные средства существования. Мужич с дарованиями, каковы были Веспасиан, Тит, Траян, Адриан, Антонин, Марк Аврелий, не могли или не хотели оживить Рима, и позорная дряхлость его была посмешищем всех народов**.

Вот место Диодора¹³: упомянув о владычестве скифов в Азии, он говорит, что сделали много переселений из завоеванных им народов и особенно два отменно великих: одно из Ассирии в места, лежащие между Пафлогониею и Понтом, а другое из Мидии переселено близ Дона, которое называлось *савроматами*.

«От сих же царей (скифских) и многих других переселены были две главные колонии из победенных ими народов. Одна из Ассирии переведена в средину Пафлогонии и Понта. Другая же, из Мидии, учреждена при Танаисе (Доне). Сии поселенцы *савроматами* назывались. Они, после многих лет умножившись, разорили большую часть Скифии и, убив победенных, превратили в пустыню большую часть сей страны; после чего было безначалие в Скифии; царствовали жены, отличные силою, ибо в сих странах они с мужами наравне готовы к войне и в делах мужества им не уступают» (Диод. Сиц., глава 2). Это место весьма темно и неопределительно. Колония, учрежденная скифами и переведенная ими из Мидии на

* Фраза вписана на полях.

** После этого было: Сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и по известию Диодора Сицилийского истребили ее жителей и присоединили к сему народу, так что особенное бытие скифов исчезло из истории, осталось только их славное имя.

берега Дона, возмущает и истребляет своих победителей! Притом появляется в Скифии женское правление!

Когда именно савроматы овладели Скифией?

Гатерер полагает¹⁴, что это было за 80 лет до Р. Х., а скифы овладели Азией <в> 625 <году> до Р. Х. и владели ею до 598 года до Р. Х.

Кочующие народы сгоняются кочующими, но редко истребляются оными, а почти всегда одними гражданскими обществами, облегающими их. Скифы, уступая савроматам, вероятно, удалились далее к северу.

Мне возразят, что моголы истребили и кочующих народов (половцев) и других, но кто сравнит нашествие сармат с нашествием гуннов или татар.

История госуд. Российск., стр. 12.

Сарматский народ «господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из 2 главных племен: *роксолан* и *язигов*; роксолане утвердились

КНИЖНЫЙ ЗНАК БИБЛИОТЕКИ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА
И ЕГО ОТЦА М. Н. МУРАВЬЕВА

В 1844 г. Е. Ф. Муравьева передала библиотеку Н. М. и М. Н. Муравьевых Московскому университету, снабдив книги этим знаком

Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

в окрестностях Азовского и Черного моря, а язиги скоро перешли в Дакию на берега Тиссы и Дуная. Дерзнув первые тревожить римские владения с сей стороны, они начали... войну дикого варварства с гражданским просвещением... Роксолане одержали верх над когортами римскими в Дакии. Язиги опустошили Мизию».

Здесь изложение мне кажется темным. Зачем роксолане, остававшиеся на берегах Азовского и Черного моря, могли тревожить римлян в Дакии, которою уже владели язиги. Зачем язиги, вместо того, чтоб воевать против римлян в Дакии (Молдавии, Валахии, Трансильвании и части Венгрии), пошли в Мизию (в нынешнюю Булгарию).

Болтин и Татищев (*примеч. 20, стр. 261 Истор. г. Р.*) беспрестанно изъясняют нам слова сарматские, воображая, что сей язык и финский одно и то же

Трудно сказать что-нибудь определительное о языке сарматов, которого никаких следов не осталось; но многие полагают, что латыши суть остаток сарматов. *Ятвиги*, народ латышский (покоренный Владимиром), называемый *ятувингами* польскими писателями, напоминают одно племя сарматское — *язигов*.

Побежденные Марком Аврелием и ослабленные, они долго еще на берегах Тибиска или Тиссы продолжали тревожить римские владения.

Стр. 14. Готфский историк VI века, Иорнанд¹⁵, пишет, что Эрманрик в числе многих иных народов победил и венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Балтийских, славились более своею многочисленностью, нежели искусством воинским. Сие сказание для нас любопытно и важно (*стр. 264 и 265 примеч.*), ибо венеды, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники славян — предков народа российского. Хотя венеты, анты, славяне называются ныне сими тремя разными именами (говорит Иорнанд), однако ж происходят от одного племени. «Теперь они за грехи наши везде свирепствуют», но прежде все повиновались Эрманриховой власти.

Nam hi... ab unā stirpe exorti tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Scavi, tunc quāvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique deserviunt, tamen tunc omnes Hermanrici imperiis serviere.

Стр. 15. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Р. Х., было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан и где живут венеды.

Стр. 265. В примечании 28 г. К<арамзин> ссылается здесь на Геродота, книгу III. Но сей историк не знал венетов, вот что он говорит <III 115>:

περὶ δὲ τῶν ἐν τῇ Εὐρώπῃ τῶν πρὸς ἐσπέρην ἰσχυατιῶν ἔχω μὲν οὐκ ἀτρεκέως λέγειν· οὕτως γὰρ ἔγωγε ἐνδέχομαι Ἡριδανὸν τινα καλέεσθαι πρὸς βαρβάρων ποταμὸν ἐκδιδόντα ἐς θάλασσαν τὴν πρὸς βορρῇν ἄνεμον, ἀπ' ὅτεу τὸ ἤλεκτρον φοιτᾷν λόγος ἐστὶ...

...τοῦτο μὲν ὁ Ἡριδανὸς αὐτὸ κατηγορεῖ τὸ οὐνομα ὡς ἐστὶ Ἑλληνικὸν καὶ οὐ βάρβαρον, ὑπὸ ποιητῷ δέ τινος ποιηθέν· τοῦτο δὲ οὐδενὸς αὐτόπτεω γενομένου δύναμαι ἀκοῦσαι, τοῦτο μελετῶν, ὅπως θάλασσά ἐστι τὰ ἐπέκεινα τῆς Εὐρώπης. Θάλασσα § 115.

De extremitatibus autem Europae ad vesperam quod pro comperto referam non habeo, neque enim assentior fluvium quendam Eridanum a barbaris vocitari, qui exit in mare ad septentrionem spectans, unde electrum venire narratur... nam vel ipsum coarguit nomen Eridanus, quod Graecum est, et non barbarum, ab aliquo poeta fictum. Sed etsi hoc studiose quaesivi a nemine qui ipse viderit accipere possum, quomodo se habeat mare ad illam Europae partem (Liber III).

Не соглашусь, чтобы варвары называли Эриданом какую<то> реку, текущую в море к северу, откуда, сказывают, достают янтарь убеждает в том и самое название Эридан, которое греческое, а не варварское, и вымышлено, конечно, поэтом . . . Я ни от какого очевидца не мог иметь сведения о сем море*.

Стр. 265, примечание 28. Г-н К<арамзин> говорит: «Некоторые считают славянами и венетов итальянских, будто бы пришедших с Антенором из Фригии после разрушения Трои... но Страбон, которому надлежало знать итальянских венетов, признает их за один народ с белгическими галлами-венетами, побежденными Кесарем в морском сражении... Гомерова поэма так прославила Трою, что все народы хотели быть троянами... и славянам надлежало дать право гражданства в Илионе». Увидя, что г. К<арамзин>¹⁶ основывается здесь на Страбоне, я заглянул в него и нашел два места, в которых он упоминает о венетах или оуенетах, как он их называет. Вот то место, на которое упирается наш историк: «Полагаю, что сии оуенеты родоначальники тех, которые живут на Адриатическом заливе, которые по сходству имени почитаются пафлагонцами. Я не говорю утвердительно: ибо в таковых вещах достаточно правдоподобия». Книга IV, глава 4, § 1.

Вот другое место:

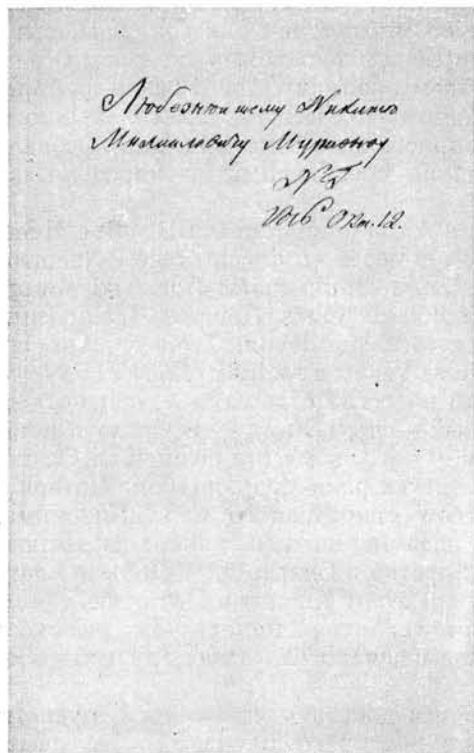
«О енетах два предания: одни считают их поселянами одноименных им келтов, прибрежных океану. Другие же говорят, что после войны троян-

* Сокращенный перевод греческого и латинского текста, сделанный Муравьевым..

ской некоторые из енетов пафлагонских спаслись сюда с Антенором». Книга V, глава 1, § 4. И приводят в подкрепление сего мнения конские их заводы: они теперь не существуют, но прежде были у них в уважении, из подражания предков, которые содержали лошадей, чтоб иметь лошаков, о чем говорит и Гомер.

У енетов много рождается непослушных лошаков
(«Илиада», песнь 2, стих 852).

Дионисий, тиран Сицилии, учредил в стране сей завод конский для ристалищ; и от сего и у еллинов слава жеребцов енетских распространилась; их род долгое время был в цене.

ПЕРЕВОД ТРАГЕДИИ ВОЛЬТЕРА «ТАНКРЕДЪ», СДЕЛАННЫЙ Н. И. ГНЕДИЧЕМ.
ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Н. М. МУРАВЬЕВУ
«Любезнейшему Никите Михайловичу Муравьеву. Н. Г. 1816 окт. 12».
Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

У Геродота мы находим, что у енетов был один закон ассирийский и что их почитали за поселенных мидян.

В книге 1-й «Клио»: «У них (у ассирийцев) законы так учреждены: самый мудрейший из оных, по моему мнению, тот, который, как я уведомился, находится и у иллирийских енетов» (§ 196).

«За Истром я знаю одно токмо племя, которого имя сигинны. Одежду употребляет оно мидийскую... Их пределы касаются енетов, прибрежных Адриатике; говорят, что енеты поселяне мидийские: я не знаю, каким образом мидяне здесь поселены: сие могло произойти в давнем времени» (Кн. V, «Терпсихора», § 9).

Достоверный Полибий утверждает, что венеты не галлы. Но всего более о енетах сведений у Полибия. Описав галлов, поселенных в Италии, он

говорит: «Местности, простирающиеся к Адриатике, занял особенный народ, гораздо древнейший. Он называется оуенеты: по обычаю и одежде мало различается от келтов, но употребляет язык отличный» (*Книга II, § 17*).

Сей народ оказал Риму важные заслуги. Галлы в 363 году* по создании Рима взяли его, кроме Капитолия; но, узнав, что оуенеты вторгнулись в их земли, они заключили с римлянами мир, отдали им город их и возвратились к себе.

В 526 год** от начала Рима, когда гордые республиканцы, уstraшенные новым нашествием галлов, вооружили до 700 000 человек, то ененеты пристали к Риму и вместе с кеноманами выставили 20 000 человек противу всегдашних врагов своих (*смотри Полибия, книга II, § 8, 18, 23 и 24*).

Тит Ливий говорит, что Антенор со множеством генетов, изгнанных возмущением из Пафлагонии, лишенным земли и вождя по смерти царя Пилимона при Трое, пристал к крайнему заливу Адриатического моря. Генеты и трояне, прогнав еванеев, обитавших между морем и Альпами, заняли их землю: место, к которому пристали, с самого начала прозвали Троею; области дали название Троянской, соединенный же народ назван венетами (*кн. I, § 1*):

Satis constat... casibus deinde variis Antenorem cum multitudine Hene-tum, qui seditione ex Paphlagonia pulsus, et sedes et ducem, rege Pylaemene ad Troiam amisso, quaerebant, venisse in intimum maris Adriatici sinum: Euganeisque qui inter mare Alpesque colebant pulsus Henetos Troianosque eas tenuisse terras: et in quem primum egressi sunt locum. Troia vocatur, pagus inde Troiano nomen est, gens universa Veneti appellati (*Liber I, § 1*).***

Тит Ливий нам сообщает еще одно известие о венетах — оно последнее. После того сей народ воинственный — друг Рима — исчезает в истории — можно ли полагаться на дружбу того, кому все возможно! Он повествует нам, что венеты отразили на берегах реки Медуака (близ Патавии) высадку греков под предводительством спартанского царя Клеонима, сына Клеомена спартанского царя, деда царя Аррея, товарища Пирра, которому не удалось его возвести на царство в Спарте****. Добычи спартанские и ростры корабельные украсили храм Юноны в Патавии.

Вопрос любопытный, но который, вероятно, никогда не решится: венеты гальские, венеты адриатические и венеты балтийские составляли ли один народ?

Остается только любителям древности доказать, что венеты, оуенеты или вenedы при Адриатическом море — единого племени с венедами, находящимися на берегах Балтийских, и тогда наши предки участвовали почти во всех великих явлениях истории.

Стр. 15. Историк наш говорит о предках наших: «...из Азии ли они пришли... и в какое время не знаем... мнение, что сию часть мира должно признать колыбелью всех народов, кажется вероятным... однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими действительно историческими свидетельствами и считаем вenedов европейцами. Сверх того они самыми обыкновениями и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или в колесницах и только на конях сражались».

Я не соглашаюсь с этим мнением: все ли азиатские народы имеют одинаковые нравы? В продолжение столь многих веков нравы сильно изменяются.

* На полях рукой Муравьева: до Р. X. 390.

** На полях рукой Муравьева: до Р. X. 226.

*** Перевод латинского текста сделан Муравьевым в предыдущем абзаце.

**** На полях рукой Муравьева: год от построения Рима 451 до Р. X. 301 г. Liber X, § 11.

На стр. 40⁷ историограф описывает козар, которые были также азиатский народ, а имели города и, следовательно, дома. Притом же народы Малой Азии и Сирии издавна живут в домах — кочующие почти все бродят в необъятных степях Средней Азии от Каспийского до Тихого моря. Оттуда пришли гунны, болгары, турки, авары, козары, половцы, печенеги,

Ея Превосходительству
Милостивой Государыне моей
Катеринѣ Федоровнѣ Муравѣ
в С.-Петербургѣ.

СОЧИНЕНИЯ

ДЕРЖАВИНА.

Въ реестрѣ о погрѣшностяхъ исправи
тыхъ въ публикаціи.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ
НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «СОЧИНЕНИЯ ДЕРЖАВИНА», ЧАСТЬ I, 1808 г.
«Ее Превосходительству Милостивой Государыне моей Катерине Федоровне
Муравь(евой) от Сочинителя»
Внизу помета рукой Державина: «Въ реестрѣ о погрѣшностяхъ исправить
по публикаціи»

Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

угры и другие. Финикиане переселялись в нашу часть света, но не в колесницах, а построив много прекрасных городов.

Мы выше показали, что Геродот находит у зигонетов мидийское одеяние, у оуенетов находит закон вавилонский — молва ему их представила за поселян-мидян. Тит Ливий их почитал пафлагонами. Плиний Непот и Катон также. Герм(анцы) сами имеют большое сходство с персианами.

Плиний называет сарматов народом мидийским.

ВВ упомянуть о войнах слав(ян) на Дунае. Их велик(одушие), не умеют лицемерить подобно ав(арам).

НВ воюют счастливо без главного предводителя.

Стр. 31. Славяне, обитавшие на берегах дунайских, по словам Нестора, вытесненные болгарами и волохами, перешли в Россию, Польшу и др(угие) зе(мли). Болгары их изгнали из Мезии (нынешней Болгарии), волохи их изгнали из Паннонии или, лучше сказать, из Дакии* (Молд(авия), Валах(ия), Трансиль, Венгр(ия) и Баннат Темесварский).

Г-н К(арамзин) полагает, что только часть славян находилась на Дунае, а другая находилась уже в России (на берегах Ильмена) уже в первом столетии, а что дунайские славяне возвратились к северным единоплеменникам своим.

Волохи, потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии**, уступив сию землю готфам, гуннам и другим народам, *искали убежища в горах* и, видя, наконец, слабость аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где славяне должныствовали им поклониться. Сие место остается весьма темным в истории. Как волохи могли скрываться более четырехсот лет в горах и столь искусно, что ни готфы, ни гунны, ни гепиды, ни славяне, ни авары их не открыли и не вытеснили?*** Все это время история ни разу о них не упоминает. Каким образом горы могли укрыть их, когда ли Альпы, ли Пиренеи не ограждали от варваров. Скрываясь на лесистых вершинах Карпатских, чем пытались волохи в продолжение 400 лет? Впрочем, хотя трудно представить и изъяснить себе все сие, но если мы это допустим, то легко изъяснить можно обстоятельство нашествия аваров на славян.

Примечание 56, стр. 284. Хан аварский Боян по просьбе императора Тиверия напал на дунайских славян. Он владел землею гепидов**** (частью Дакии) и Паннониєю (уступленною ему лангобардами).

НВ. *Стр. 20.* Необходимо!

Иоанн начальник городов иллирийских был отправлен к аварам с множеством судов и перевоз (вероятно, у Белграда чрез Дунай) войско их в греческое владение. Боян шел чрез Иллирию (Сервию) и снова переправился за Дунай к славянам (следственно, в Валахию)*****. Мы не знаем, почему он, владея странюю гепидов*****, не хотел прямо оттуда напасть на славян, которые также обитали в Дакии к востоку и северу. Теперь допустим независимость волохов, занимающих Трансильванию и дефилей при Орсове, то все объясняется, и Боян принужден дважды переправляться чрез Дунай, чтоб напасть на славян. Притом Боян, заключая мир с императором Маврикием, предоставил себе право переправляться чрез Дунай и идти греческим владением для того, чтоб напасть на славян, и сие убеждает меня, что прямое сообщение было невозможно.

Стр. 25. Не могу не заметить, однако ж, сколь трудно долженствовало Бояну идти с 60 000 *отборных конных латников*, которые пятьдесят лет сряду служили добычею лютых славян, по южным берегам дунайским, облитым кровью несчастных жителей, осыпанных пеплом городов и сел, совершенно опустевших (*стр. 21*).

Особливо, если верить подробному***** исчислению Прокопия, по которому славяне в продолжение пятидесяти лет успели убить или захватить в плен около 10 000 000 людей. За Дунаем, в земле славянской, 60 000 аварской коннице трудно было действовать (*стр. 64*), ибо славяне дунай-

* Смотри примечание 56, стр. 284. Славяне обитали в Дакии. — *Прим. автора.*

** *На полях рукой Муравьева:* Троян умер в 117-м году по Р. Хр. Болгары пришли в Мезию в 678-м году (561 год спустя).

*** *На полях рукой Муравьева:* Аврелиан в 270-м году оставил Дакию.

**** *К слову «гепидов» на полях отметка:* АВ.

***** *На полях рукой Муравьева:* 582 г.

***** *К слову «гепидов» опять отметка:* АВ.

***** *Первоначально было:* достоверному

ские строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, *среди болот непроходимых*, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожакого. Беспреданно ожидая врага, славяне делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было, в случае нападения, тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Такой народ, казался, долженствовал оставаться свободным и независимым!

Все описание набегов прекрасно и вливает в душу какое-то неизъяснимое чувство! Видишь перед собою народ, какого не бывало еще в истории — погруженный в невежество, не собранный еще в благоустроенные общества, без письмен, без правительств, но великий духом, предприимчивый; он заключает в себе все качества обладателя — какое-то чудное стремление к величию. Какой народ может гордиться, что претерпел столько бедствий, сколько славянский. Никакой народ не был столь испытан судьбою! Никакому, может быть, не готовит она такого воздаяния! Он был избран оплотом Европы против кочующих народов.

Народ великий, чуждый вероломства и честолюбия. Его истребляли готфы, гунны, угры, авары, или обры, болгары, волохи, хозары, варяги, печенеги, половцы — и всех ужаснее моголы. Они устояли им всем, но, возвышаясь над всеми силою нравственною, славяне, наконец, истребили своих притеснителей. Они <славяне> были истреблены в Северной Германии, покорены в Богемии, Моравии, Иллирии и Сербии, но остатки их составили народ русский!

ПРИМЕЧАНИЯ

«Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина» печатаются по писарской копии с поправками и вставками Н. М. Муравьева (ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 97, лл. 1—9 об.; на листах большого формата, сшитых в тетрадь). Полностью публикуется впервые. Упоминание о записке встречается в «Отрывках из писем, мыслей и замечаниях» Пушкина, напечатанных в «Северных цветах» на 1828 г. Здесь имя декабриста Муравьева зашифровано буквой Н. В рукописи Пушкина (ЛБ. 2387 А) — оно дано полностью: Ник<ита> Муравьев.

С пропуском ряда мест и некоторыми искажениями записка опубликована в труде М. П. Погодина «Н. М. Карамзин», ч. II. М., 1866, стр. 198—203. Отрывок — в статье П. К. Щербальского в «Русском вестнике», 1866, № 11. Цитата с комментарием см. в книге: Дружинин, стр. 98—103.

Записка Муравьева написана не ранее 5 июня 1818 г. (судя по упоминанию письма Карамзина с этой датой). Первое указание на чтение и критические замечания к «Истории государства Российского» — в письме Муравьева к матери его, Е. Ф. Муравьевой, в середине февраля 1818 г. (см. еще письма от 15 апреля, 22 апреля и 16 мая — ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, № 26). Обнародована (распространена в списках), повидимому, осенью 1818 г.

Записка является критическим разбором предисловия Карамзина к «Истории государства Российского», т. I (в разбираемом Муравьевым первом издании 1818 г., стр. IX—XXVIII).

Выражаем благодарность за помощь в подборе материалов для комментирования записки старшему научному сотруднику ЦГИА Т. Г. Снытко. В сверке греческих и латинских текстов принимали участие профессоры И. М. Тронский и Я. М. Боровский. Ряд ценных замечаний по тексту записки Муравьева сделан профессором М. А. Тихановой.

¹ Муравьев говорит об «Истории Российской с древнейших времен» М. М. Щербатова, вышедшей в 1770—1791 гг. и доведенной им до событий 1610 г., и «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева, вышедшей в 1768—1784 гг. (после смерти историка) в трех томах и доведенной до Иоанна III (т. IV — до 1577 г. еще не был известен Муравьеву). Оба историка имели в своем распоряжении далеко не все летописные источники, которыми пользовался Карамзин, и прибегали иногда к сомнительным спискам.

² Цитата из предисловия к «Заговору Катилины» Саллюстия.

³ Цитата из вступления к «Истории Римской от основания города» Тита Ливия.

⁴ Муравьев имеет в виду слова Карамзина о Юме, «кого мы называли бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишне чуждался Англии, не излишне хвалился

беспристрастием, и тем не охлаждал своего изящного творения». В своей «Истории Англии» (изд. 1754—1762 гг.) Давид Юм (родом шотландец, сторонник вигов и противник тори) без особого энтузиазма и с сокращениями излагает почти все факты официальной истории.

⁵ Муравьев имеет в виду популярного короля Англии Альфреда Великого (849—901), прославившегося не только освобождением Англии от захватчиков, но и значительными реформами.

⁶ Муравьев разумеет отношение Тацита к тирании Домициана и вообще тираническому правлению, пагубно повлиявшему на судьбы и нравы римлян. Исторические сочинения Тацита полны негодования против губителей Рима и восхищения перед славными героическими и гражданскими подвигами римлян.

⁷ «Мысли о Истории Российского государства (Продолжение)» представляют собою наброски критического разбора первых трех глав первого тома «Истории» Карамзина, причем основным вопросом для Муравьева являлся тот, который изложен Карамзиным в разделе «О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще». В основе разбора идея величия славян-предков, их положительная роль в мировой истории, не раскрытые Карамзиным (см. выше стр. 565—567 высказывание М. Ф. Орлова, связанное с данной идеей Муравьева). Публикуется впервые.

Текст «Мыслей» дошел до нас в разных состояниях: полностью сохранился черновой текст, представляющий собой неотредактированные в стилистическом отношении замечания, местами совершенно отрывочные. Этот черновой текст содержится в рукописи, хранящейся в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 97 (5 листов).

Муравьев начал перебелять текст, придавая черновым замечкам характер связанного изложения и довел эту переделку до слов «не хотели оживить Рим». Перебеленный текст содержится в рукописи д. 101 того же фонда (2 листа среднего тетрадного формата).

Текст, начиная со слов «Сведения, оставленные Геродотом», Муравьев подверг новой, еще более тщательной обработке и продолжил связанное изложение черновых заметок, кончая абзацем: «Побежденные Марком Аврелием...» (Беловой автограф, д. 95 того же фонда, на 2 листах большого формата). Повидимому, Муравьев предполагал придать этому обработанному тексту характер самостоятельной статьи, так как рукопись имеет заглавие «Нечто о скифах, сарматах, венетах и других древних народах». Однако статья является не чем иным, как частью «Мыслей», тщательно обработанной стилистически, без композиционной переработки.

Все три рукописи в порядке изложения совпадают и очень близки фразеологически. Они отличаются большей или меньшей обработанностью. В беловых рукописях имеется аргументация, отсутствующая в заметках чернового автографа.

В основу публикуемого текста положен принцип наибольшей полноты и обработанности. Поэтому начало статьи до слов: «Сведения, оставленные» дается по беловой рукописи д. 97 (стр. 586). Далее полностью воспроизводится текст беловой рукописи д. 95. Окончание, начиная со слов «Готский историк VI века» (стр. 590), отсутствующее в беловых автографах, дано по черновой рукописи д. 97, а потому носит отрывочный, недоработанный характер.

Судя по записи дат на первой странице заметок, начало работы над продолжением «Мыслей» относится к августу 1818 г. (В начале рукописи имеется ряд записей с указаниями дней недели на французском языке: «вторник 27, среда 28, четверг 29, пятница 30, суббота 31, воскресенье 1» и т. д., кончая четвергом 5. Подобное соответствие дат и дней недели приходилось на конец августа — начало сентября 1818 г. Можно думать, что запись сделана 27 августа и представляет расчет с целью установить, на какой день недели придется 5 сентября).

Ссылки на страницы «Истории государственного Российского» относятся к первому изданию труда Карамзина, вышедшему 1 февраля 1818 г. Ссылки на страницы текста Карамзина и его примечания даны Муравьевым на полях или в начале абзацев. Следует отметить, что в этом издании страницы примечаний даны с новой пагинацией, но в публикуемом тексте указана сплошная пагинация, по фактическому счету страниц (вместо стр. 3 — 257 и т. д.).

В черновике д. 97 начало, зачеркнутое Муравьевым, характеризует первые главы «Истории государственного Российского»: «Первые три главы сего творения составляют вступление в историю самого государства. В первой изложены нам некоторые известия о народах, населявших южные пределы нашего отечества, одни известные грекам и римлянам, до времен упадка восточной Империи—когда римляне получили, наконец, обстоятельные известия о жилищах своих губителей. Потом представляются переселения народов до появления славян.

В первой главе помещены сведения древних о южной части нашего отечества, греческие поселения, представлены переселения народов, враждебных образованности гражданской — появление славян, их подвиги, несчастья, расселение.

Во второй главе описаны, по словам Нестора, разные племена славян, обитавших от Ильмена до берегов Черного моря, и нашествие Козар и Варягов. Помещены догадки о происхождении их.

Третья глава заключает в себе описание нравов и свойств славян, почерпнутых по большей части из византийских писателей.

⁸ Среди черновиков, связанных с рукописью д. 95 — «Нечто о скифах», — имеется схема соответствия имен, данных Геродотом, и позднейших наименований праславянских и славянских племен:

1. Скифы, или сколоты. Саки (Масалеты), Агафирсы, Невры, Андрофаги, Мелинхлены, Будины, Гелоны, Ирки.

2. Савроматы, или Сарматы. Фисалеты. Аргиппей. Исседоны.

⁹ Имеются в виду догадки в работах: Байера — повидимому, в его «De origine et priscis sedibus Scytharum», или «De Scythiae situ, qualis fuit sub aetate Herodoti»; Ломоносова — в его «Показании российской древности» и первых главах «Древней Российской истории»; Пинкертон — в его «Dissertation on the Origin and Progress of Scythian and Goths» и Мальтебрюна (Malte-Brun) — повидимому, в его «Annales de voyages, de la géographie et de l'histoire».

На последнем листе черновой рукописи д. 97 Муравьев сделал несколько выписок и заметок на французском и латинском языках, связанных с разысканиями о древних славянах и скифах. Здесь находится уже цитированная выше выписка из 11-й главы 1-й книги «Сатурналий» Макробия о том, что «нельзя пренебрегать долей рабов». Муравьева, повидимому, особо интересуют сведения о походах Александра Македонского в Скифию. В связи с этим он выписывает имя Зопириона, упомянутого в указанной выписке из Макробия, фракийского наместника и полководца, осуществлявшего эти походы в Скифию, и отмечает источники, дающие о нем сведения (Квинт Курций Руф, кн. X, гл. 1; Юстин, кн. XII, гл. 2; Павел Орозий, кн. III, гл. 18). За этой справкой следует выписка: «Лизимах побеждает одризов, фракийский народ. См. Диод[ор] Сицилийский», кн. XVIII, гл. 14», а затем справка: «Адриан написал историю после Александра — см. Фотия, кн. XCII». После этих заметок в черновике дано изложение основных идей труда Пинкертона «О происхождении гетов и готов». Муравьев пишет: «Пинкертон пытается доказать:

I. Что геты, готы и скифы — один и тот же народ.

II. Что славяне и сарматы — один и тот же народ.

III. Что скифское государство началось в Персии.

IV. Что фракийцы, иллирийцы, греки итальянские, германцы, скандинавы были скифы.

V. Что сарматы не были татарами.

VI. Что все народы Европы за исключением: 1. Кельтов гальских в Англии; 2. Кельтов ирландских; 3. Кельтов — шотландских горцев; 4. Финнов венгерских и финляндских; 5. Лапландцев; 6. Сарматов в России и Польше — скифского происхождения».

¹⁰ В черновых заготовках к этому месту мы находим ряд замечаний, относящихся к 11—12-м стр. «Истории государства Российского» (гл. I, раздел «Сарматы»).

¹¹ В рассуждении о причинах падения Рима должен был, повидимому, в доработанном виде войти и следующий отрывок (черновик на отдельном листке, чернилами по карандашу. — ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 101):

«Влияние хозяйства государя на благоденствие и даже на величие государств есть отличительная черта времен новейших в сравнении их с древними.

Мне кажется, что хозяйство всегда имело влияние.

Утонченная образованность часто губила народы. Не образованность, но слишком неравное разделение богатств было причиною гибели народов. Август приучил жителей Рима питаться даром хлебом и Египта; и сия дурная хозяйственная мера провзвела то, чего хотел хитрый тиран сей, — тунеядцев, порочную и зависящую от него чернь. Деспот был уверен, что Рим на его век, и не заботился о его могуществе и славе.

Богатство есть двоякого рода: достигнутое трудами — тогда оно бывает полезно, внезапное и незаслуженное работою — тогда оно вредно и ненадежно. Италия, покрытая пустырями и наполненная рабами, была ли когда слишком счастливою? Гюн[?] весьма ясно это доказывает. Новейшие писатели потеряли совсем это из виду и важно говорят нам: древние были люди совсем иного свойства. Деньги были им вредны, новейшим они полезны. Стоит только вспомнить рабство, в каком оно было тогда положением, и то, что такое великое множество людей вовсе ничего не делали и толпились в термах и амфитеатрах — и все изъяснится. Не богатства разорили Рим сами по себе, но дурное их распределение». (л. 4).

¹² Речь идет о нумидийском царе Югурте, жившем во II в. до н. э. Имея сношения с Римом, стремившимся сделать из Нумидии свою провинцию, Югурта убедился в продажности римского сената и аристократии и якобы сказал: «Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit». Муравьев цитировал Саллюстия «Bellum Jugurthinum» (гл. 35).

¹³ Диодора Сицилийского «Историческая библиотека», кн. II. Выписка и дальнейшее рассуждение относятся к разделу «Сарматы» — «История государства Российского», т. I, гл. I, стр. 11.

¹⁴ Ссылка на Иоганна Гатерера (немецкий историк) взята Муравьевым из примечаний Карамзина, т. I, стр. 261, прим. 20.

¹⁵ Речь идет о труде «De origine actibusque Getarum» Иордана.

¹⁶ Среди черновиков, связанных с «Мыслями» (ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, л. 95), находятся выписки о венетах в виде греческих и латинских текстов с буквальными переводами: из Геродота, кн. I — Клио, 196; кн. V — Терпсихора, 9; из «Географии» Страбона, кн. IV — 4, 1; из «Истории» Полибия, кн. II — 17, 18, 23, 24. Выписки эти касаются вопросов: 1) о близости венетов — мидян адриатических (италийских) и «белгических» — пафлогонцев, 2) о войнах венетов против галлов и спасении ими Рима.

Приведенные в тексте цитаты из Страбона («География», кн. IV и V) не подтверждают скептического замечания Карамзина. Стремясь найти аргументы в пользу того, что венеты итальяские, участвовавшие в Троянской войне, — славяне, Муравьев, кроме цитат из Страбона, приводит не упомянутые Карамзиным свидетельства Геродота (Клио, кн. I и Терпсихора, кн. V) и Полибия (Всеобщая история, кн. 2), известного своим критическим отношением к источникам («Достоверный Полибий»), и Тита Ливия. Попутно источники, опущенные Карамзиным и приведенные Муравьевым, дают сведения о помощи, которую оказывали славяне республиканскому Риму. Сведения эти особенно важны для Муравьева.

Среди черновиков в д. 95, связанных с «Мыслями», мы находим следующую запись на эту тему:

«Венеты оказали большие заслуги Риму:

1. В лето до Р. Х. 390, по построении Рима 363, когда галлы взяли Рим.

2. В лето до Р. Х. 226, по построении Рима — 526, когда Рим, устранившись галлов, вооружил 700 000 чел.

Победа Теламонская в 225 — 527 рассеяла страх римлян. 40 000 галлов побито, 10 000 взято в плен.

В лето — 301—451 венеты отразили флот лакедонца Клеонима близ Патавии (Падуа)...

Муравьев ссылается на характеристику «физических и нравственных» особенностей древних славян (стр. 55, начало гл. III «Истории государства Российского», изд. 1, 1818), где Карамзин пишет: «Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствуя долголетию [...], благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, — слабеет в неге и в праздности». Критикой этих утверждений Карамзина является выписка из «Курса всеобщей географии» Мальтебрюна:

Стр. 55. Le fameux système de l'influence de climat se trouve fortement compromis par les faits que l'Amérique méridionale offre à notre attention. Un peuple doux et faible habite parmi les froides montagnes du Pérou. Un peuple féroce et intraitable errait sous le soleil brûlant du Brésil. Malgré la grande inégalité des armes les Brésiliens ne reculèrent jamais. Jamais ils ne se sont laissés vaincre par un ennemi faible et sans courage; il n'était aisé de remporter sur eux des victoires, que parce qu'ils n'avaient aucune connaissance d'une manière de faire la guerre.

Matte Brun, Précis de Géogr. Universelle, vol. 5, page 703. Les habitants des contrées d'Oucacazes (du gouvern. de Rio Janeiro) sont si vaillants, dit un auteur portugais moderne, qu'ils préfèrent la mort à la honte d'être vaincus. Il leur est impossible de vivre un seul moment dans l'esclavage: aucune nation brésilienne, ni même européenne ne peut se vanter de les avoir vaincus (page 704 — Vasconcellos). Cette nation autrefois ennemie implacable des Européens vit maintenant indépendante quoique dans un état d'amitié parfaite avec ses voisins la douceur et la générosité ont soumis ces coeurs qui bravaient la mort. Les Indiens chasseurs de la nouvelle Espagne, que les Esp. embrassent sous la dénomination d'Indios bravos.

Карамзин, гл. 3, том 1, стр. 55.

Перевод: Пресловутая теория влияния климата оказывается несостоятельной перед фактами, которые мы наблюдаем в Южной Америке. Кроткий и слабый народ живет в холодных горах Перу. Жестокий и неукротимый народ бродил под жгучим солнцем Бразилии. Несмотря на великое неравенство в вооружении, бразильцы никогда не отступали. Они никогда не уступали победы врагу слабому и робкому. И покорить их оказалось возможным только потому, что они не имели никакого представления о ведении войны. Мальтебрюн. Курс всеобщей географии, т. V, стр. 703. Жители Утказа (провинция Рио Жанейро) так смелы, говорит один новейший португальский писатель, что они предпочитают смерть — позору поражения. В рабстве они не могут жить ни минуты: ни один народ бразильский, ни даже европейский не может похвалиться победой над ними (стр. 704 — Васконселос). Это племя, некогда непримиримо враждовавшее с европейцами, ныне живет независимо, но в полной дружбе с соседями. Кротость и великодушие покорили сердца их, презиравшие смерть. Индейцы — охотники Новой Испании, которых испанцы объединяют под именем Indios bravos (смелые индейцы).